

Известные московские барды Татьяна и Сергей Никитины по образованию - физики. Их дуэт принадлежит к среднему поколению авторской песни, тому, что пришло после Новеллы Матвеевой и Александра Галича, Юрия Визбора и Булата Окуджавы... Никитины получили признание более двадцати лет назад, выступая с песнями на стихи Юрия Левитанского, Юрия Кима, Юнны Мориц и других поэтов. Сергей Никитин прекрасный аранжировщик; кроме того, его музыка и песни звучат в таких популярных кинофильмах, как "Ирония судьбы, или С легким паром", "Почти смешная история", "Москва слезам не верит". С кино связаны и некоторые другие их работы...

Советская молодежь - 1990 - 24 сент.

Нет истины, где нет любви

- За последние три года в вашей жизни произошло много перемен. Кажется, вы окончательно стали профессионалами...

- Ну, профессионалами мы стали намного раньше - мы уже двенадцать лет как тарифицированы с высшей категорией ставки. А перемены в нашей жизни - перемены граждан этой страны. Но не художников, не творческих людей, потому что все, что мы пели эти годы, то есть двадцать с лишним лет, мы и сегодня можем спеть без стыда. Всегда, в любые времена, в настоящей литературе была поэзия, которая могла сохранять независимость и художественную ценность и настолько была высока, что это не проходило со временем. Мы пели песни на стихи хороших поэтов, поэтому для нашего творчества перестройка была не нужна...

- Мнение одного из поклонников авторской песни: Никитины не стараются политизировать авторскую песню, не гонятся за злободневностью - этим и хороши. Но в вашем концерте прозвучали песни и злободневные, политические...

- Был ли Пастернак поэтом политическим? Конечно, нет. Но та высота, которую он задавал в своем творчестве, сама по себе была опасна для существующего у нас беспорядка. Русский язык был так же поработан, как и народ. Не в чести был язык изысканный, художественный, сложный - установка была на язык, который шел под термин "понятный для народа". Почему-то "для народа" всегда предлагался заниженный критерий. Но одновременно с литературой и поэзией, пользующейся языком, понятным народу, существовала другая поэзия и литература, та, которая заставляла людей

тянуться, расти. Мы пользовались этой другой литературой и поэзией. То, что мы пели и сегодня поем, едва ли есть чистая политика. Но наш зритель стал более информированным, чем раньше. Вся жизнь в своей стране мы пользуемся эзоповым языком. И каждый человек по своему развитию снимал тот слой, который мог. Но если раньше расшифровка этого языка требовала большей образованности, то сегодня это менее трудно. И многие вещи, которые мы исполняем, звучат абсолютно по-иному в силу того, что открыты глаза и уши у людей.

- Вам не кажется, что авторская песня, которая во многих случаях пользовалась подтекстом, как сатира, театр, художественная проза, в эпоху гласности потеряла одну из своих граней?

- Конечно, какую-то грань потеряла, потому что жизнь изменилась. Если сравнивать с театром Любимова, то и в авторской песне было направление, которое пользовалось языком ассоциаций - исторических, политических, чем песня выражала скрытый протест против того, что нас окружало. Возможность говорить открыто многое изменила. Однако, кажется, мы не заметили момента, когда авторская песня вновь стала протестом против окружающей действительности. Теперь, когда действительность стала сдвигаться в сторону прагматизма, коммерциализации, когда человеческие ценности так же резко передвигаются в совершенно другую область, - высокое слово опять должно завоевывать для себя людей, и оно снова выражает протест.

- Вы считаете, что общество изменилось?

- Понимаете, быть интеллигентом в нашей стране никогда еще не было актуальным. Иллюзия, что наступили хорошие времена, скажем, для поэзии Пастернака. Напротив, если мы раньше пели песни на стихи Пастернака, то определенная часть публики понимала, что это наша позиция, наше противостояние оглушению. Сейчас же уровень образованности людей резко пал. И если когда мы поступали на физфак в годы застоя, было модно быть умным, модно было решать задачи, быть физиком, то сейчас в моде совсем другое. Посмотрите, какой отток именно от интеллектуальных форм деятельности. Это как раз та ком-

но и театра, литературы, вообще культуры. Даже мы сами по себе начинаем замечать, что берем в руки прежде всего газету или журнал: "Известия", "Огонек". Не хватает ни времени, ни желания даже прочесть, скажем, что-либо фундаментальное. Мы устали и печальны. А такой жанр, как авторская песня, требует солнца. Люди истомлены жизнью, и уже трудно что-то новое сообщить. Если на нас сейчас приходит публика, то это потому, что люди нуждаются в утешении. Вот как в свое время Белла Ахмадулина сказала, что Высоцкий пришел для того, чтобы будоражить, а Окуджава - для того, чтобы успокаивать и утешать. Тут можно спорить, конечно, но в бардовской песне была такая гуманистическая струя, которая придавала ей функции, которые долгое время выполняла для народа религия, - утешение и просветление души.

- Один из печальных моментов в авторской песне сегодня, как мне кажется, - отъезд некоторых молодых исполнителей за границу. Насовсем. Трудно пробиться у нас на эстраду, на телевидение, вообще к публике, трудно напечататься. Что вы можете сказать по этому поводу?

- Трагедия этих людей в том, что они считают, что "тут трудно пробиться". Когда зарождалась авторская песня, когда были Галич, Окуджава - никто из них не думал о том, чтобы пробиться на эстраду. Они совершенно другие цели преследовали. По-настоящему талантливо сделанные вещи всегда привлекают внимание. Если ты не пробился, значит, не нашел еще того, что привлекало бы. Гениальный Бродский, которого сажали, топили, - был окружен людьми, почитателями, обожествлявшими его. А родился такой мальчишка здесь, сейчас - он точно так же был бы окружен. Истинный талант всегда привлекает. Что касается тех, кто уехал... Там, куда они уехали, они обрекли себя на полную безвестность. Потому что круг, который есть за границей, - он иссякает сейчас. Вот мы приезжали в Америку и собирали полные аудитории. Но это не очень большие залы были. И мы вообще не ставили своей целью давать концерты, мы приехали в гости. Американцы нас нашли и пригласили. Это люди, которых привело в Америку окончание оттепели. Но к новым приехавшим совсем другое отношение. Если эти молодые люди не найдут себя там по-настоящему в искусстве - они погибнут.

- Я думаю, что в конце беседы было бы неплохо коснуться ваших нынешних занятий - я не имею в виду концертные выступления. Татьяна, как сейчас извещает, уже месяц занимает пост заведующего отделом культуры Октябрьского райисполкома города Москвы. Какие вопросы уже приходилось вам решать за этот месяц?

- Не знаю, решать ли, потому что вопрос о том, что может решать местная власть, еще не решен окончательно. Но в районе, где я работаю, очень много полуразвалившихся церквей, в том числе и знаменитый Донской монастырь. Так получилось, что мне пришлось составить записку, обращенную к Патриарху Всея Руси, о том, что надо немедленно и безоговорочно все храмы, церкви, синагоги вернуть прихожанам. Потому что сейчас уже началась прямо-таки спекуляция этими полуразрушенными храмами со стороны властей светских. Буду стараться также помочь художникам, которые сейчас особенно активно уезжают за границу, - нет мастерских, они не члены Союза художников. Между прочим, именно советские художники за границей оказываются вполне конкурентоспособными. А вообще я убеждена - культурой руководить нельзя, можно только постараться помочь тому, кто в этом нуждается...

- А как складываются дела у вас, Сергей, - вы вот уже три года работаете заведующим музыкальной частью в театре Олега Табакова...

- Делаю я там то, что должен делать заведующий музыкальной частью, - музыкально оформляю спектакли. Была, впрочем, попытка использовать меня как актера - мне предложили репетировать роль шута в спектакле по пьесе Шекспира "Двенадцатая ночь". Правда, этот спектакль так и не вышел по чисто организационным причинам. Но если бы спектакль был, я бы все равно нашел другого исполнителя...

- Спасибо за беседу.

Интервью вела
Татьяна ТУРЧИНА.